

мистический ужастик

КАНЧЕСИХА

ЧЁРНАЯ ВОДА

Сергей ИИ

Канчесиха. Чёрная вода

<https://litres.ru/74296609>

SelfPub; 2026

Аннотация

«В некоторых местах вода помнит не тех, кто утонул.
Она помнит тех, кто остался на берегу.»

Сергей ИИ

Канчесиха. Чёрная вода

КАНЧЕСИХА

Чёрная вода

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

«В некоторых местах вода помнит не тех, кто утонул.

Она помнит тех, кто остался на берегу.»

Художественный вымысел с этнографическими мотивами

культуры

С аха

Автор Сергей ИИ

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. НЕ ОТВЕЧАЙ, ЕСЛИ ЗОВУТ С ВОДЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДО ТОГО, КАК ОЗЕРО ПОЧЕРНЕЛО

ГЛАВА 1. САМАЯ КРАСИВАЯ В КЫЫЛЛАХЕ

ГЛАВА 2. РУССКИЙ С КАРТОЙ

ГЛАВА 3. ЧТО ПЕРЕДАЁТСЯ ПО КРОВИ

ИНТЕРЛЮДИЯ I. КОГДА ПРАСКОВЬЯ БЫЛА МОЛОДОЙ

ГЛАВА 4. ИЛЬЯ ОСТАЁТСЯ

ГЛАВА 5. СЫН

ГЛАВА 6. ТРИ УДАРА В СТЕНУ

ГЛАВА 7. ДОРОГА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДАР, КОТОРОМУ ОТКАЗАЛИ
ИНТЕРЛЮДИЯ II. ТЕТРАДЬ ИЛЬИ

ГЛАВА 8. КАНЧЕСИХА УМИРАЕТ
ИНТЕРЛЮДИЯ III. ШЕСТЬ ЛЕТ ТИШИНЫ

ГЛАВА 9. ВЕНЕЦ

ИНТЕРЛЮДИЯ IV. НОЧЬ, КОГДА ИСКАЛИ СТАРУХУ

ГЛАВА 10. БАБУШКА В ВОДЕ

ГЛАВА 11. ПЛОТ

ИНТЕРЛЮДИЯ V. НОЧЬ ПОИСКОВ

ГЛАВА 12. ВЫ ХОТЕЛИ КАНЧЕСИХУ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДЕРЕВНЯ, КОТОРАЯ НЕ СМОГЛА

УЕХАТЬ

ГЛАВА 13. ПЕРВАЯ КОРОВА

ГЛАВА 14. ТО, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ КОРМИТЬ

ИНТЕРЛЮДИЯ VI. ЖЕНА РЫБАКА

ГЛАВА 15. НОЧНЫЕ ЖИТЕЛИ

ИНТЕРЛЮДИЯ VII. ДОРОГА НАРУЖУ

ГЛАВА 16. ПОСЛЕДНИЙ АВТОБУС

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ТЕ, КТО ПРИШЁЛ ПОСЛЕ

ГЛАВА 17. ДОКУМЕНТАЛИСТЫ

ИНТЕРЛЮДИЯ VIII. КАССЕТА

ГЛАВА 18. НЕ СНИМАЙ ЕЁ ЛИЦО

ГЛАВА 19. ДОМ КАНЧЕСИХИ

ГЛАВА 20. ПРОКЛЯТИЕ НЕ БЫЛО РИТУАЛОМ

ГЛАВА 21. АРЧЫ

ГЛАВА 22. МАМА, Я ЗДЕСЬ

ГЛАВА 23. УОТ ИЧЧИТЭ

ГЛАВА 24. КАНЧЕСИХА

ЭПИЛОГ. ПОСЛЕДНИЙ ЗОВ

ПРИМЕЧАНИЕ О КУЛЬТУРНОЙ ОСНОВЕ

2

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — художественный мистический роман. Деревня, озеро и герои вымышлены. В основе атмосферы использованы отдельные этнографические мотивы культуры саха: представления о духах-хозяевах местности — иччи, уважительном обращении к огню и воде, очищении дымом арчы, благословении алгыс, а также исторически зафиксированные представления о наследственном шаманском призвании.

При этом все «тёмные» ритуалы Канчесихи, проклятие «венец безбрачия», способы наведения порчи и события вокруг озера придуманы для сюжета и не являются описанием реальных якутских обрядов. В традиционной терминологии саха шамана называют ойун, шаманку — удаган.

3

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

ПРОЛОГ. НЕ ОТВЕЧАЙ, ЕСЛИ ЗОВУТ С ВОДЫ

Осенью дорога к Кыллаху исчезала раньше самого Кы-

ыллаха.

Навигатор ещё показывал тонкую серую нитку между болотами, но колея уже растворялась в мокром мху. Слева стояла лиственничная тайга, справа тянулся низкий берег большого озера. На карте оно называлось Хара-Күөл — Чёрное озеро, — хотя вода в нём была обычной: свинцовой, холодной, с длинными полосами ветра.

До тех пор, пока не наступала ночь.

— Дальше пешком, — сказал Ньургун и заглушил двигатель.

Мила Белых посмотрела на него поверх камеры.

— Ты говорил, деревня заброшена двадцать лет.

— Я говорил: официально заброшена.

— А неофициально?

Ньургун снял перчатку, открыл дверцу и несколько секунд не выходил. Потом вытащил из кармана маленькую монету и положил её на камень у дороги.

Фотограф Тимур усмехнулся:

— Плата за парковку?

Ньургун даже не повернул головы.

— За то, что мы здесь чужие.

Ветер прошёл по кустам, будто кто-то провёл ладонью против шерсти огромного зверя.

Мила приехала снимать документальный фильм о северных деревнях, исчезнувших после закрытия совхозов. Про Кыллах она узнала случайно: бывшая учительница из Нюр-

бы сказала ей по телефону, что там «исчезли не из-за совхоза». Потом долго молчала и добавила: «Если поедете — не подходите к воде, когда услышите ребёнка».

4

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

Журналисту трудно подарить фразу лучше.

Они прошли два километра и увидели дома.

Кыллах стоял целый.

Не как заброшенные посёлки, где крыши провалены, окна выбиты, а улицы зарастают иван-чаем. Здесь дома казались закрытыми на один долгий вечер. На крыльце одного лежала детская лопатка. Между двумя сараями висела верёвка, на которой ветер качал один серый носок. На школьной стене белела надпись «1998», выведенная мелом так свежо, словно её сделали вчера.

— Ньургун, — тихо позвал Тимур. — Смотри.

На песке у дороги были следы босых ног.

Маленькие.

Они шли от озера к деревне.

Мила подняла камеру.

В этот момент из-за домов донёсся детский голос: — Мама!

Ньургун схватил её за запястье так сильно, что камера дёрнулась.

— Не отвечай.

— Это ребёнок.

— Здесь нет детей.

Голос повторил, уже ближе:

— Мама, я замёрз.

Тимур побледнел.

Из окна крайнего дома выглянула женщина.

Она стояла за мутным стеклом, высокая, с длинными чёрными волосами. Лицо было белым и красивым, почти молодым. Женщина улыбнулась Миле и приложила палец к губам.

А потом стекло запотело изнутри.

5

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

На нём медленно проступили буквы, будто их вывели мокрым пальцем:

ВЫ ЖЕ ХОТЕЛИ УСЛЫШАТЬ ИСТОРИЮ.

Позади них, со стороны озера, кто-то ударил в бубен.

Один раз.

И вода стала чёрной.

6

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДО ТОГО,
КАК ОЗЕРО ПОЧЕРНЕЛО**

7

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

**ГЛАВА 1. САМАЯ КРАСИВАЯ В
КЫЛЛАХЕ**

За тридцать лет до того, как Мила увидела женщину в окне, Кыллах был шумным селом на сто двадцать дворов. Здесь держали лошадей и коров, косили сено на аласах, зимой ругались из-за замёрзшей техники, летом — из-за комаров, а круглый год — из-за чужой жизни.

Чужую жизнь в Кыллахе знали лучше собственной. Особенно жизнь Аяны Канчининой.

Аяна была той редкой деревенской красавицей, из-за которой люди с плохим характером внезапно начинали верить, что красота — личное оскорбление. Она была высокая, темноволосая, с ясными серыми глазами. Когда она шла к магазину, мужчины здоровались слишком бодро, женщины — слишком сухо, а бабушки у ворот вспоминали, что «раньше красивые были скромнее».

Жила Аяна с бабушкой Прасковьей Семёновной Канчининой.

Никто в деревне не называл старуху по имени.

Для всех она была Канчесихой.

Откуда взялось прозвище, никто уже не помнил. Одни говорили — от фамилии, другие — от старого родового имени. Третьи уверяли, что настоящее имя старухи нельзя произносить после заката.

Слух о Канчесихе ходил далеко за пределами улуса. К ней приезжали за помощью и уезжали, стараясь не смотреть в зеркало заднего вида. Говорили, она находила пропавший скот, снимала тяжёлые испуги, знала, когда придёт ледоход,

и могла сказать человеку такое, чего не знала даже его жена.
Говорили и хуже.

Один мужчина из соседнего села якобы отказался платить ей после обряда — через неделю у него сгорел новый гараж.

8

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

Женщина, которая назвала Канчесиху мошенницей, три ночи слышала под полом, как кто-то зовёт её голосом умершей матери. А старый председатель, однажды попытавшийся выгнать Прасковью с общего собрания, потом год не мог спать при выключенном свете.

Аяна не верила половине историй.

Другой половины ей хватало.

— Ты опять едешь в город? — спросила Канчесиха однажды утром.

— В районную библиотеку. Я обещала помочь с каталогом.

Старуха сидела у печи. Перед ней на столе лежала высохшая ветка можжевельника и старое серебряное кольцо.

— Книги тебе мужа не родят.

— А мне не надо, чтобы книги рожали мужа. — Ты смеёшься.

— Я жить хочу, бабушка.

Канчесиха подняла глаза.

— Жить — это тоже дар. Его надо уметь не потерять.

Аяна взяла куртку.

На косяке висел старый бубен — джунгюр. Он принадлежал ещё прабабке. Аяна терпеть не могла его тёмную кожу и металлические подвески. Иногда ночью металл тихо звенел сам по себе.

— Не трогай его, — сказала она, заметив взгляд бабушки.
— Я не трогаю.

Бубен едва слышно звякнул.

— Он тебя трогает.

Аяна хлопнула дверью и ушла.

В тот день по дороге в район она впервые встретила Илью.

9

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

ГЛАВА 2. РУССКИЙ С КАРТОЙ

Илья Соколов приехал в Кыллах на три месяца. Его группа обследовала берега озёр перед строительством новой линии связи. Он был гидрологом по образованию, инженерным специалистом по работе и человеком, который считал, что любую проблему можно решить картой, термосом и запасными батарейками.

Это заблуждение прожило в Кыллахе недолго.

В первый день Илья заблудился в трёх улицах.

Во второй — случайно зашёл во двор Канчесихи.

В третий — влюбился в её внуку.

— У вас тут улицы меняются местами, — заявил он Аяне

магазина.

— Конечно. По средам.

Он посмотрел на неё серьёзно.

— Правда?

Аяна рассмеялась так, что продавщица за стеклом тут же начала внимательно протирать одно и то же место на витрине.

— Нет. Вы просто городской.

— Я не городской. Я из Подмосковья.

— Это ещё хуже.

Илья был светловолосый, немного сутулый и добрый тем неуверенным добром, которое не требует благодарности. Он не пытался казаться сильнее, чем был. Не рассказывал Аяне, как ей следует жить. Не боялся Канчеси — поначалу потому, что ничего о ней не знал.

Когда узнал, стало поздно.

Через месяц он уже ужинал в их доме.

Прасковья Семёновна поставила перед ним тарелку, села напротив и долго молчала.

— Вы меня проверяете? — не выдержал Илья.

10

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

— Уже проверила.

— И как?

— Мягкий.

— Это плохо?

— Для зимы — плохо.

Аяна пнула его ногой под столом, чтобы он не спорил.

Илья всё равно спросил:

— А для вашей внучки?

Канчесиха подняла глаза.

Огонь в печи треснул.

Старуха взяла кусочек оладьи и бросила в пламя. Потом капнула туда немного молока. Илья подумал, что это бытовая привычка. Аяна знала: бабушка обращалась к хозяину огня.

— Для моей внучки, — сказала Канчесиха, — ты дорога, которая кончается водой.

Илья улыбнулся.

— Красиво.

— Это не было красиво.

После ужина Аяна ругалась с бабушкой во дворе. — Не смей его пугать.

— Я не пугаю. Я говорю.

— Ты всегда говоришь так, чтобы люди потом боялись собственного дыхания.

— А ты всегда думаешь, что любовь делает человека умнее. — Нет. Но она делает меня счастливой.

Канчесиха впервые за вечер улыбнулась. — Вот этого я и боюсь.

ГЛАВА 3. ЧТО ПЕРЕДАЁТСЯ ПО КРОВИ

В семье Канчининых женщины редко жили спокойно.

Одна прабабка лечила людей травами и знала заговоры. Другая, по рассказам, могла по голосу определить, кто вошёл в дом, не открывая глаз. Сама Прасковья прошла через то, что старые люди называли «избранием»: несколько месяцев тяжёлой болезни, сны о предках, бегство в тайгу, страх перед звуком собственного имени.

В этнографических книгах это называли шаманской болезнью.

В Кыллахе говорили проще:

«Духи нашли».

Канчесиха была уверена, что найдут и Аяну.

С детства внучка иногда видела то, чего не замечали другие. В пять лет она сказала матери, что у калитки стоит мокрый дедушка. Через час пришла весть: двоюродный дед утонул на переправе. В девять она проснулась ночью и велела бабушке не выпускать корову утром — к полудню на дороге возле стада упало дерево.

Потом способности будто исчезли.

Или Аяна научилась не замечать их.

— Я не буду удаган, — говорила она бабушке.

— Не ты решаешь.

— В моей жизни — я.

— Это тебе Илья сказал?

— Это мне здравый смысл сказал.

Канчесиха однажды рассмеялась.

— Здравый смысл — самый молодой дух. Он думает, что старше всех.

Она пыталась учить Аяну незаметно. Как входить в незнакомое место и сначала просить разрешения у его иччи.

12

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

Почему воду нельзя оскорблять криком и мусором. Почему огонь нельзя ругать. Как дымом арчы очищают пространство, а благословение — алгыс — не является колдовством и не служит для вреда.

Этому Аяна не сопротивлялась.

Она сопротивлялась другому.

Бабушкиным ночным уходам.

Закрытой кладовой.

Свёрткам с волосами.

Чёрной нити, которую старуха носила на левом запястье.

— Это не то, чему учили старые, — сказала однажды Аяна.

Прасковья резко повернулась.

— Откуда ты знаешь, чему учили старые? — Потому что ты сама говорила: алгыс просит добра. А ты иногда просишь, чтобы кому-то стало плохо.

Старуха долго молчала.

— Добрые люди придумали слово «зло», чтобы не признавать,

что иногда защищаться приятно.

В тот день Аяна поняла: бабушка не просто хранительница традиции.

Она давно позволила страху деревни стать своим ремеслом.

13

КАНЧЕСИХА · ЧЁРНАЯ ВОДА

ИНТЕРЛЮДИЯ I. КОГДА ПРАСКОВЬЯ БЫЛА МОЛОДОЙ

До того как Прасковью начали называть Канчесихой, она была девочкой, которая боялась темноты.

Об этом знали только двое: её старшая сестра и Семён Иннокентьевич. Сестра умерла молодой. Семён прожил достаточно, чтобы понять, как страх иногда превращается в профессию.

В шестнадцать лет Прасковья заболела. Несколько недель лежала, почти не ела, говорила во сне разными голосами. Врача тогда в Кыыллахе не было, фельдшер разводил руками. Старики говорили: девочку зовут предки. Её мать плакала, отец пил, а сама Прасковья однажды ушла зимой в лес и вернулась только утром, босая, но без обморожений.

После этого она стала другой.

Сначала помогала людям. Находила потерявшихся лошадей, успокаивала детей после сильного испуга, сидела у постели умирающих. Ей приносили молоко, рыбу, ткань, иногда деньги. Она никогда не требовала много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.